

УДК 323.2

ВЛАСТЬ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ДИАЛОГ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**Сковиков А.К.***АНО ВПО «Московский гуманитарный университет», Москва, e-mail: skovikov@yahoo.com*

Рассмотрен процесс формирования правящего класса в России на протяжении последних десятилетий. Обращено внимание на современные проблемы при выстраивании взаимодействий между различными субъектами современного политического процесса. Выявлены некоторые проблемы с учетом гендерной политики и геронтократии. Получил аргументацию тезис относительно существования противоречий между декларируемым трансформационных преобразований властью и политической действительностью. Ярким примером являются противоречия при реализации курса на омоложение управленческого корпуса. Доказано, что преобразования в политической системе оказывают влияние на каналы мобильности, формирование возможностей для самореализации отдельно взятой личности. При этом необходимо учитывать, что положительные результаты от произведенных трансформаций возможны только при условии, что правящий класс при проведении реформ будет руководствоваться не личными, а национальными интересами российских граждан. Современный российский процесс формирования институтов гражданского общества идет достаточно противоречиво. Для поддержания в устойчивом состоянии политической системы требуется постоянный диалог между властью и институтами гражданского общества.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, политическая власть, правящий класс, политический класс, политическая система, национальные интересы, трансформация

POWER AND CIVIL SOCIETY: INTERACTION DIALOGUE**Skovikov A.K.***ANO VPO «Moscow Humanities University», Moscow, e-mail: skovikov@yahoo.com*

Process of formation of ruling class in Russia for the last decades is considered. The attention to modern problems when forming interactions between various subjects of modern political process is paid. Some problems taking into account gender policy and a gerontokratiya are revealed. I received the argument the thesis concerning existence of contradictions between declaring of transformational transformations by the power and political reality. A striking example are contradictions at realization of a course on rejuvenation of the administrative case. It is proved that transformations in political system have impact on channels of mobility, formation of opportunities for self-realization of separately taken personality. Thus it is necessary to consider that positive results from the made transformations are possible only provided that the ruling class when carrying out reforms will be guided not by personal, but national interests of the Russian citizens. Modern Russian process of formation of institutes of civil society goes is rather inconsistent. Maintenance in a steady condition of political system requires continuous dialogue between the power and institutes of civil society.

Keywords: state, civil society, political power, ruling class, political class, political system, national interests, transformation

Современный мировой политический процесс противоречив. Это объясняется жесткой борьбой за отстаивание своих интересов среди основных субъектов, находящихся на современном политическом поле – Европейского Союза, Китая, России и США. Динамично развивающиеся драматические события на Украине актуализировали проблему взаимодействия власти с различными институтами гражданского общества в отдельно взятом государстве. Общеизвестно, если органы государственной власти находят широкую поддержку среди широких слоев населения, то политическая система находится в относительно устойчивом положении.

В современной российской политической науке проблемы власти и управления рассмотрены многоаспектно В.И. Буренко, В.Г. Ледяевым, О.М. Ледяевой, А.И. Соловьевым, О.Ф. Шабровым, а вопросы осмысления гражданского общества – А.Г. Караткевичем, В.А. Михеевым, Л.И. Никовской, Л.Н. Тимофеевой и др.

В государстве, на основе компромиссов, идет процесс развития всех сфер жизнедеятельности по траектории увеличения благосостояния, как отдельного гражданина, так и страны в целом. При этом вектор социально-политических, экономических и культурных преобразований зависит от лиц, обладающих властными полномочиями. В первую очередь, правящего политического класса, а также политического класса и чиновников различных министерств и ведомств. Политолог А.Г. Караткевич справедливо акцентирует внимание общественности на увеличение интереса к институтам гражданского общества со стороны власти и простых граждан. Для государственных деятелей – «это важная часть общественно политической стратегии, так как без развитого гражданского общества немыслимо демократическое правовое социальное государство, а именно эта цель определяется как стратегическая для России» [5, с. 88]. В то время как для граждан – это «разнообразные формы общественной самооргани-

зации, включенности в социальное взаимодействие на основе и для удовлетворения разнообразных по содержанию и уровню значимости интересов» [5, с. 88]. Исследователь подчеркивает, что в этом контексте «организационное оформление этих взаимодействий может способствовать становлению реального диалога власти и общества» [5, с. 88].

Политическая практика свидетельствует о многообразии вариантов как в выстраивании вертикали управления в государстве, так и в различных механизмах формирования институтов гражданского общества, обусловленная интересами правящего класса – консолидированного окружения главы государства [6].

Рассмотрим динамику изменений в формировании элиты. Политолог В.И. Буренко в своих работах особо подчеркивает, что от качества политической элиты зависит система взаимодействий среди всех субъектов политики, в том числе и разнообразных институтов гражданского общества [2; 3]. В политической науке идет дискуссия на счет наиболее точного использования терминов – «политическая элита», «правящий класс», «политический класс» применительно к российской действительности. В этой связи научный интерес вызывает работа М. Вебера «Политика как призвание и профессия». В ней упоминаются такие понятия, как «политик», «партийный функционер», «политический журналист». Эти профессии составляют политический класс в любом современном обществе, однако по мере развития общества происходят как количественные, так и качественные изменения в расширении политического класса. В настоящее время в политический класс входят административно-политическая бюрократия, политические консультанты, политические технологии, политические эксперты, профессиональные лоббисты и прочие. Таким образом, по мере совершенствования вертикали управления обществом происходит и количественное расширение политического класса. Не вдаваясь в научную дискуссию относительно политологических терминов, характеризующих российскую политическую элиту, на наш взгляд, целесообразней оперировать понятиями «правящий класс» и «политический класс». Между политическим классом и правящим классом есть достаточно точек соприкосновения. Одна из них – потребность в реализации политических интересов. При этом необходимо исходить из точки зрения американского исследователя Г. Лассуэлла, который в работе «Власть и личность»

(1948 г.) обосновал положение, что «политические личности [как субъекты правящего класса, так и политического – А.С.] чаще всего стремятся компенсировать возникающее в раннем детстве бессознательное чувство неполноценности.... Властолюбивые устремления... рационализируются политической личностью, но эта погоня за властью лишь одна из распространенных попыток человека убежать от самого себя» [7, с. 5]. И далее: «Дорога к власти в нашей цивилизации ни в коем случае не является исключительно правительственным шоссе... Руководители крупных корпораций [могут входить в правящий класс – А.С.] вынуждены принимать решения, которые являются гораздо более важными для повседневного благосостояния человечества, чем большинство решений правительства» [7, с. 64]. Другое дело – ответственность за принятие решений в сфере своей компетенции и с учетом возможностей. Как правило, данная ответственность носит моральное определение и никак не закреплена в нормативно-правовых документах государства.

Ввиду того, что объем возможностей институтов гражданского общества в значительной степени детерминирован ресурсами правящего класса, необходимо учитывать качественные и количественные параметры при измерении их потенциала объема властных ресурсов.

Рассмотрим формирование российской элиты на протяжении последних десятилетий. При этом будем учитывать тот факт, что политический класс современной России многочисленнее по сравнению с правящим классом.

Следует обратить внимание на существенные структурные изменения, произошедшие в первое десятилетие независимой России по сравнению с советской эпохой. Произошло резкое омоложение политического класса. Если средний возраст советской номенклатуры был, как правило, пенсионного возраста (член Политбюро ЦК КПСС А.П. Кириленко назвал 70 лет «средним возрастом»), то средний возраст политического класса «раннего Ельцина» составлял 51,3 года, «раннего Путина» 51,5 года, а «раннего Медведева» приблизился к 53 годам. При этом отчетливо видна тенденция на его увеличение. Несмотря на то, что это не представляет угрозы вырождение его в геронтократию, как это имело место в советское время, тем не менее существует противоречие с ранее задекларированным курсом на омоложение руководящих кадров и политического класса в целом.

В начале XXI века имеет место устойчивая тенденция – сокращение представительства лиц, находящихся на уровне принятия стратегических решений из числа советской номенклатуры. При этом одной из главных неразрешенных проблем являются профессиональные кадры.

Д.А. Медведев впервые публично обратил внимание на проблемы в государственной кадровой политике на совещании 23 июля 2008 г. по вопросам формирования резерва управленческих кадров. С его позиции кадры должны формироваться не «по знакомству или по коррупционной схеме», а в соответствии с профессиональными качествами. Главное условие, предъявляемое к кандидату, – это возрастной ценз от 25 до 50 лет, второе высшее образование и обладание определёнными профессиональными качествами, включая «креативность» и «умение внедрять технологии», а также стратегически мыслить и иметь положительную репутацию. Позднее добавили ещё одно как обязательное условие – отсутствие судимости. Однако есть очевидная проблема при определении критериев профессионализма и так называемых «оценщиках».

Таким образом, в стране стали формировать списки управленческих кадров из числа представителей федеральных и региональных органов власти, бизнеса, а также науки, образования, общественных организаций. Анализ первого кадрового резерва, который состоял из 100 человек, позволяет констатировать тот факт, что в первой сотне резерва только 5% молодых людей до 29 лет, 11% – женщин. Существенных изменений, по всей вероятности, не произошло и при формировании тысячного резерва (на сайте Президента России опубликован список из 500 человек, вторая половина засекречена). Механизм формирования списка не принимался на открытой конкурсной основе, что может ставить под сомнение тезис о широкой демократии в России.

Политические реалии российской действительности свидетельствуют о превращении политического класса в закрытый. Акцентируем внимание на том факте, что в современной российской политике не получили развития рекомендации различных международных организаций, в том числе «Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» (ООН, 1979 г.) о предоставлении равных возможностей по половому признаку. На это справедливо обращают внимание российские учёные, специалисты в области гендерной политики С.Г. Айвазова, М.В. Аристова,

Г.М. Михалева. Сокращение количества женщин в парламенте отчасти объясняется отказом от применения практики квотирования при формировании высшего законодательного органа РФ. Действительно, советская политическая практика предусматривала 30-процентное резервирование мест в высшем законодательном органе страны для женщин. Сокращение их доли в политическом классе в 1993–2002 гг. с 2,9% до 1,7% [9, с. 93], а также незначительное её повышение к 2014 г. указывают на неэффективность управления в государстве, что в принципе может привести к усилению социальной напряженности в обществе. Согласно данным зарубежного аналитического доклада «Глобальный гендерный разрыв» (2009 г.), «основная проблема нашей страны не столько в обеспечении равных возможностей мужчин и женщин в экономической сфере, где ее показатели лучше, чем во многих странах мира, сколько в выборных органах власти» [1, с. 5]. По показателям политических возможностей Россия занимает 99 место из 134 стран.

Среди российских аналитиков нет единой точки зрения на трансформационные преобразования в политическом классе, инициированные представителями правящего класса. Например, социолог О.В. Крыштановская не видит различий в политике последних двух глав государств. В то время как политолог Я.А. Пляйс утверждает, что «основное противоречие... состоит в том, что Дмитрий Медведев стремился сменить прежнюю политико-административную элиту из-за её консервативности и неадекватности задачам модернизации страны» [9, с. 93]. В.В. Путин наоборот полагает, что от перестановок внутри политического класса лучше не будет. Не свойственную для современной России активную смену и ротацию кадров проводит мэр Москвы С.С. Собянин. В данном случае небезынтересно то, что он пришёл с должности заместителя Председателя Правительства РФ, то есть определял свой кадровый стиль, работая непосредственно с В.В. Путиным и Д.А. Медведевым, и проводит его с их поддержки.

Таким образом, правящий политический класс в современной России немногочислен, что в принципе отвечает мировой практике. Однако его опасность в том, что он практически «законсервирован», а сложившаяся система не позволяет его обновлять [8]. В него, безусловно, входят крупнейшие российские олигархи и высшее руководство страны, включая двух

общенациональных лидеров. Однако одним из существенных недостатков в политическом управлении является наличие существенных диспропорций в гендерной составляющей. Современные российские политические партии, возможно, за исключением «Единой России», не являются эффективными каналами, способствующими профессионалам выход в правящий класс. Кадровый резерв позволяет делать только перестановки внутри политического класса. Таким образом, есть проблема в отсутствии механизмов широкого вовлечения институтов гражданского общества в процесс ротации органов власти.

Российский правящий класс сохраняет господствующее положение благодаря социальной апатии, в том числе усиливающих их нестабильность состоянием мировой экономики, а также санкционной политикой в отношении России со стороны Европейского Союза и США с 2014 г.

Становление рыночной экономики, правового государства и формирование институтов гражданского общества реально лишь при создании новой эффективной системы рекрутирования политического класса. В соответствии с международной практикой это должно осуществляться на конкурентных началах. Преобразования в политической системе могут повлиять и на каналы мобильности на политическом поле, позволив сформировать возможности для самореализации личности, не ущемляя прав по полу и другим дискриминационным признакам. При этом необходимо помнить, что положительные результаты от произведённых трансформаций возможны только при условии, что правящий класс при проведении реформ будет руководствоваться не личными, а национальными интересами российских граждан и найдёт поддержку внутри политического класса [4]. Политолог О.Ф. Шабров указывает на различия в ментальности и политической культуре среди европейцев и русских. Граждане РФ готовы терпеть от правящего класса притеснения и несправедливость, материальные лишения в обмен на выполнение «общественного договора». При этом, «когда же становится ясным, что этот договор не исполняется и нет надежды на «исправление» правящего класса, на повестку дня встаёт вопрос о замене управляющих» [10, с. 57].

Проведенный экспертный опрос в октябре-ноябре 2014 г. (глубинное интервью среди двадцати политологов из Европейского Союза, России и Украины) позволил четко определить ряд острых проблем, требующих первоочередного разреше-

ния. Во-первых, одной из фундаментальных проблем становления эффективного гражданского общества в России является отсутствие доминирования среднего класса в социальной структуре российского общества. Формирование и развитие среднего и малого бизнеса идет медленно и противоречиво. Во-вторых, политические партии, в том числе и парламентские не выполняют функции артикуляции и агрегирования интересов большинства россиян. Правящая элита оторвана от потребностей своего электората. В то время, как партии могут выступать в качестве связующих элементов власти с гражданским обществом. В-третьих, серьезной проблемой является несовершенство нормативно-правовой базы обеспечивающих деятельность институтов гражданского общества. Отчасти это связано с постоянными внесениями поправок в федеральные законы, регламентирующие их работу, а также разногласиями в целесообразности ряда норм, в том числе в отношении НКО. Эксперты также подтвердили авторский тезис о частичной зависимости институтов гражданского общества от правящего класса.

Политическая действительность российского государства свидетельствует, что современный политический класс заинтересован, прежде всего, в удовлетворении своих интересов с учетом возможностей, предоставляемых правящим классом. Процесс формирования эффективных институтов гражданского общества идет достаточно противоречиво. Диалог между властью и гражданским обществом продолжается.

Список литературы

1. Айвазова С.Г. Гендерный аспект российских гражданских и политических практик: проблема изменений // Изменение России: политические повестки и стратегии. – М.: Российская ассоциация политической науки, 2010. – С. 5–6.
2. Буренко В.И., Предыбайлов С.М. Парламентаризм и политическое представительство // PolitBook. – 2013. – № 3. – С. 43–52.
3. Буренко В.И., Титова О.Н. Эффективность политической элиты и качество жизни населения // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6; URL: www.science-education.ru/113-11416 (дата обращения: 10.12.2014).
4. Капицын В.М. Идентичности: сущность, состав, динамика (дискурс и опыт визуализации) // PolitBook. – 2014. – № 1. – С. 8–29.
5. Караткевич А.Г. Гражданское общество в условиях постсоветских трансформаций: проблемы социально-политической идентификации // PolitBook. – 2014. – № 1. – С. 87–99.
6. Крючков В.А., Скворцов А.К., Шумилова О.В. Зарубежный опыт политического развития общества (по материалам архивных документов) // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4; URL: www.science-education.ru/118-13948 (дата обращения: 10.12.2014).

7. Лассуэлл Г. Психопатология и политика: / Пер. с англ. Т.Н. Самсоновой, Н.В. Коротковой. – М.: РАГС, 2005. – 352 с.

8. Ледяев В.Г., Ледяева О.М. Основания легитимного авторитета: манипуляция и убеждение // PolitBook. – 2013. – № 4. – С. 8–20.

9. Пляйс Я.А. Новый проект реконструкции властной элиты в России: содержание и перспективы реализации // Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократия: Сб. ст. / под. ред. Я.А. Пляйса. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 216 с.

10. Шабров О.Ф. Неоднозначный потенциал «русской матрицы» // Власть. – 2014. – № 2. – С. 53–58.

References

1. Ajvazova S.G. Gendernyj aspekt rossijskikh grazhdanskikh i politicheskikh praktik: problema izmenenij // Izmenenie Rossii: politicheskie povestki i strategii. M.: Rossijskaja asociacija politicheskoy nauki, 2010. pp. 5–6.

2. Burenko V.I., Predybajlov S.M. Parlamentarizm i politicheskoe predstavitel'stvo // PolitBook. 2013. no. 3. pp. 43–52.

3. Burenko V.I., Titova O.N. Jefferektivnost' politicheskoy jelity i kachestvo zhizni naselenija // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2013. no. 6; URL: www.science-education.ru/113-11416 (data obrashhenija: 10.12.2014).

4. Kapicyn V.M. Identichnosti: sushhnost', sostav, dinamika (diskurs i opyt vizualizacii) // PolitBook. 2014. no. 1. pp. 8–29.

5. Karatkevich A.G. Grazhdanskoe obshhestvo v uslovijah postsovetskikh transformacij: problemy social'no-politicheskoy identifikacii // PolitBook. 2014. no. 1. pp. 87–99.

6. Krjuchkov V.A., Skovikov A.K., Shumilova O.V. Zarubezhnyj opyt politicheskogo razvitiya obshhestva (po materialam arhivnykh dokumentov) // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2014. no. 4; URL: www.science-education.ru/118-13948 (data obrashhenija: 10.12.2014).

7. Lassujell G. Psihopatologija i politika: / Per. s ang. T.N. Samsonovoj, N.V. Korotkovej M.: RAGS, 2005. 352 p.

8. Ledjaev V.G., Ledjaeva O.M. Osnovaniya legitimnogo avtoriteta: manipuljacija i ubezhdenie // PolitBook. 2013. no. 4. pp. 8–20.

9. Pljajs Ja.A. Novyj projekt rekonstrukcii vlastnoj jelity v Rossii: sodержание i perspektivy realizacii // Demokratija. Vlast'. Jelity: Demokratija vs jelitokratija: Sb. st. / pod. red. Ja.A. Pljajsa. M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2010. 216 p.

10. Shabrov O.F. Neodnoznachnyj potencial «russkoj matricy» // Vlast'. 2014. no. 2. pp. 53–58.

Рецензенты:

Коряковцева О.А., д.пол.н., доцент, декан факультета дополнительного профессионального образования, профессор кафедры политологии и социологии Ярославского государственного университета им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль;

Назаров В.А., д.э.н., профессор, ректор Института деловой карьеры, г. Москва.

Работа поступила в редакцию 31.12.2014.